

Минлань не всегда была столь пассивной и медлительной. Когда-то давным-давно она была хорошим ребёнком, прилежно соблюдающим пять дисциплин и четыре добродетели. Она носила красный галстук, была пионером, вступила в комсомол, всегда была в первых рядах, хотя и никогда не была старостой, но ее часто избирали членом комитета. Когда она была в агитационном комитете, она получила награду за стенгазету. Когда она была членом организационного комитета, она водила детей навещать больных учителей. Когда она была ответственной за курсы английского языка, она каждый день вела утреннее чтение. Когда она была ответственной за домашнюю работу, она успешно организовала и поддерживала процесс копирования заданий. Кроме того случая, когда в пятом классе её исключили из комитета по культуре и отдыху, она была хорошей ученицей, которой доверяли одноклассники и любили учителя.

Так что сейчас Минлань даже не думала, что её удача подведёт её. Когда она перебралась от Ван Ши к пожилой госпоже Шэн, только Сяотао, самая глупая служанка из всех, кого она знала, согласилась пойти с ней. Другие служанки, услышав о том, что должны отправиться вместе с ней в зал Шоу'ань, либо сказались больными, либо пожелали уволиться, а некоторые даже умоляли свои семьи заступиться за них, чтобы им не пришлось отправляться туда. Её старшая служанка сразу же принялась жаловаться, что у неё всё болит и она больше не может работать.

— Сяотао, почему ты согласилась отправиться со мной? — спросила Минлань с надеждой в голосе.

— А мне... Можно не идти с вами?

У неё было чувство, что её мир стремительно меняется. Она ощущала себя так, словно попала в переделку. Она чувствовала себя грустной и опустошённой. Минлань взяла за руку Сяотао, которая на тот момент была в унынии. Не то что бы она не была способна бороться, скорее она чувствовала себя так, словно была на уроке у учителя, у которого есть любимчики. Не важно, сколько усилий ты приложишь: к концу дня ты всё равно останешься человеком второго сорта. Тратить столько сил и не получать никакого результата было просто бессмысленно.

Минлань тяжело вздохнула. Ладно, для начала она лучше осмотрится в своём новом жилище. В главном здании Шоу'ань было пять комнат. Центральная комната называлась зал Мин, комнаты слева и справа назывались Шао и Цы. Помимо этого, было несколько комнат, в которых обитали служанки, спереди к дому примыкала веранда, а сзади навес. Планировка была типичной для средневековых китайских покоев. Зал Мин напоминал современную гостиную, комнаты Шао и Цы были больше похожи на спальни или комнаты отдыха. Сама пожилая госпожа спала в комнате Шао, находящейся слева. Минлань поселилась в комнате Цы, справа. Через центр комнаты Цы проходила резная панель из грушевого дерева, так что комнату Минлань также называли кабинет Лихуа.

Старшая служанка Фан занялась обустройством только вчера, так что комнаты Минлань были простыми и пустыми. Все декоративные элементы были выполнены в холодных цветах: светло-зелёном, тёмно-зелёном и тёмно-синем. Единственной комнатой, выполненной в тёплых цветах, была спальня Минлань, раскрашенная в яркий абрикосовый цвет.

Когда она обустроилась, появилась одна из служанок пожилой госпожи, Цуйпин, с сообщением о том, что пожилая госпожа желает видеть Минлань. Явившись к пожилой госпоже, Минлань застала её сидящей на диване, и закутанной в толстый чёрный парчовый плед, расшитый восемью цветами удачи. На украшенном золотом овальном столике из белого нефрита, встроенном в подлокотник дивана, лежали свиток буддистских писаний и несколько сандаловых чёток.

Заметив Минлань, пожилая госпожа помахала руками, поторапливая её. Минлань уже несколько раз выражала ей почтение и знала, как это делается правильно. Сначала она поприветствовала её, затем, склонившись в поклоне под углом в сорок пять градусов к госпоже, подняла голову и принялась ждать дальнейших указаний. Видя её сверхосторожное и чересчур взрослое поведение, пожилая госпожа, улыбнувшись, потянула её на диван и с теплотой в голосе произнесла:

— Ты станешь четвёртым ребёнком, которого я вырастила. С тремя первыми у меня не осталось никакой духовной близости, но я пока не уверена насчёт тебя. Давай поговорим. Не обязательно строго придерживаться этикета. Говори, что думаешь. Не страшно, если это прозвучит бестактно.

Минлань широко распахнула свои большие глаза и кивнула. Она не собиралась врать, ведь если сравнить её с этой женщиной древней эпохи, прожившей здесь всю свою жизнь, то станет понятно, что её ложь будет ей на один зубок.

— Ты умеешь читать? — спросила пожилая госпожа Шэн.

— Старшая сестра хотела научить меня «Ритму просветления», — тихо ответила Минлань, кивнув. — Она успела научить меня первым двум строчкам, после чего её заперли вышивать своё приданое. Служанка Лю была очень строга и старшая сестра так и не смогла проскользнуть наружу.

Восхищение отразилось в глазах пожилой госпожи Шэн.

— А писать ты умеешь? — спросила она.

В глубине своей души Минлань горько улыбалась. Конечно же, она была грамотной, но она не была уверена, учили ли её в этом месте. Так что она ответила тихим голосом:

— Я знаю только несколько слов.

Пожилая госпожа Шэн приказала Цуйпин принести бумагу и кисть, чтобы Минлань могла попробовать что-нибудь написать. Чернила были уже подготовлены, так что Минлань закатала рукава на своих коротких ручках, вытянула свои маленькие ладошки и взяла в них кисть. Её руки слегка подрагивали. Когда она была маленькой, она две недели ходила на курсы каллиграфии в детский центр во время летних каникул. Она научилась только как держать

кисть и как написать несколько корявых слов.

Она использовала все пять своих коротких пальцев, чтобы выполнить приёмы каллиграфии: «контролировать, давить, подсекать, завершать, поддерживать». Уверенно держась за кисть, она слегка коряво написала графему человек. Потом она написала несколько простых слов: «да, нет, также, уже» и так далее и тому подобное.

Увидев позу Минлань, пожилая госпожа мысленно похвалила её. Несмотря на то, что она была ещё маленькой, положение её руки и запястья было правильным. Её рука была поднята, и запястье находилось в подвешенном состоянии, её спина была выпрямлена и в целом она выглядела сосредоточенной. Однако, поскольку она была маленькой и слабой, слова выходили не слишком-то элегантными. Когда Минлань написала все графемы из двух-трёх черт, которые смогла вспомнить, она напоследок написала что-то чёрное и непонятное. Когда пожилая госпожа пододвинулась поближе, дабы разобрать написанное, она с удивлением обнаружила, что это был сложный запутанный иероглиф «Шен».

— Кто научил тебя писать? — спросила пожилая госпожа, припоминая, что наложница Вэй была неграмотной.

Минлань писала до тех пор, пока у неё не выступил пот на лбу. После чего, утерев его, она ответила:

— Это пятая старшая сестра, она учила меня писать красные графемы.

— Учила тебя писать красные графемы? — рассмеялась пожилая госпожа Шэн. — Скорее всего, она заставила тебя писать от её имени, чтобы она могла сбежать и поразвлечься.

Минлань покраснела и не стала ничего отвечать, мысленно удивляясь тому, насколько ужасающе прозорливыми иногда были эти женщины древних эпох.

— Тогда кто научил тебя слову Шэн? Его не должно было быть в прописях, — спросила пожилая госпожа, указав на этот непонятный бесформенный символ.

Минлань глубоко задумалась.

— Он... он везде в доме: на фонарях, на письмах, на сундуках с приданым старшей сестры.

Пожилая госпожа удовлетворённо кивнула и ладонями обхватила лицо Минлань за обе щеки. Сделав это, она незамедлительно нахмурилась. Дети в её возрасте обычно ели до отвала и их щёки должны были быть пухлыми, но на щёках Минлань не прощупывалось ни капли лишнего мяса.

— Отныне тебе нужно будет правильно питаться и принимать лекарства, — сказала пожилая

госпожа с серьёзным выражением лица. — Не следует легкомысленно к этому относиться.

— Я хорошо питаюсь, я всегда доедаю свою порцию, я просто не могу набрать вес, — ответила она тихим голосом. Минлань чувствовала, что должна была объясниться.

— Я слышала, что тебя часто тошнит после твоих лекарств, — взгляд пожилой госпожи был тёплым, однако её голос был серьёзным.

Минлань осознала, что её не так понимают и, сжав угол своей одежды, и тихим, спокойным голосом ответила:

— Я бы с удовольствием не делала этого, но мой живот не слушается меня. У меня нет выбора. Я сама не знаю, когда меня стошнит.

Пожилая госпожа восхищалась ею так, что её глаза сияли. Она взяла Минлань за руки, расправила её одежду и добрым голосом сказала:

— Не только твой живот не слушается тебя, боюсь, твои служанки тоже не слушают то, что ты говоришь. Я слышала, что с тобой прибыла только одна молодая служанка?

Пожилая госпожа Шэн долго была одна, но сегодня она не могла поверить всему счастью. Более того, она не ожидала, что это слабое дитя, сидящее перед ней, действительно ответит с серьёзным выражением лица:

— Старшая сестра однажды сказала мне, что вода течёт сверху вниз, а люди должны взбираться снизу вверх. Но не важно, куда я направлюсь: будет немного тех, кто пожелает последовать за мной.

— Тогда почему ты согласилась перебраться сюда? — спросила пожилая госпожа. — Ведь ты здесь даже мяса поесть не сможешь: я вегетарианка.

— Мясо не так важно. Хватит и того, что мы можем есть в мире и покое, — покачав головой, пробормотала Минлань.

Пожилая госпожа взглянула на эту маленькую девочку и тоже покачала головой. Мысли этого ребёнка были переполнены разочарованием по отношению к миру.

— У тебя же одни кожа да кости, — обняв Минлань, со вздохом произнесла она. — Лучше всё-таки ешь мясо.

Пожилая госпожа ощущала, что они были очень похожи.

Пожилая госпожа Шэн назначила для Минлань новую служанку с фамилией Цуй. Она была полноватой и молчаливой, но она умела создать дружескую атмосферу. Когда она носила Минлань, она была чрезвычайно осторожна. Пожилая госпожа заметила, что Сяотао и Минлань, слуга и госпожа, могли вполне посоревноваться в глупости друг с другом, так что она назначила ей ещё одну служанку, Данцзюй. Когда Данцзюй начала работать, Сяотао немедленно почувствовала себя плохой. Она была всего лишь на год старше Минлань, но она была очень серьёзной и внимательной. Сяотао была куплена снаружи, тогда как Данцзюй выросла в поместье. Её родители предпочитали жить снаружи, но, поскольку у них было слишком много детей, они не могли справляться со всем сразу, так что её отдали в поместье в молодом возрасте, после чего она была замечена служанкой Фан и выбрана для работы в Шоу'ань.

Поскольку пожилая госпожа Шэн была из семьи Хоу то, несмотря на то, что она вела простой образ жизни, она следовала строгому набору правил. Каждое её слово или действие было выполнено в строгой, суховатой манере, и присутствующие у неё служанки были более честными, чем все остальные. У Минлань, в свою очередь, была душа взрослого человека, и ей бы не пришло в голову вести себя неприлично или устраивать шалости. Так что, когда служанка Цуй заступила на службу, она нахваливала шестую юную госпожу в своих разговорах со служанкой Фан за то, насколько честной и искренней была та и насколько легко ей было прислуживать.

Каждый вечер перед сном Данцзюй старательно прогревала постельное бельё на медном нагревателе. Минлань лениво позволяла служанке Цуй переодеть себя в пижаму, после чего её относили и укладывали в тёплую постель и убаюкивали поглаживаниями по голове. Если она просыпалась ночью, если хотела пить или в туалет, из ниоткуда сразу же появлялась служанка, готовая помочь ей.

На второе утро, когда Минлань проснулась, её уже ожидали пропаренное полотенце и корзина с маленькими чашками чая с ююбой. Сперва служанки нежными массирующими движениями протирали её лоб и щёки полотенцем. И, когда она уже начинала воспринимать окружающую обстановку, служанка Цуй придерживала её и помогала ей выпить чаю. Затем служанка Цуй умывала её, ополаскивала ей рот, одевала и расчёсывала. Маленькая Данцзюй, в свою очередь, постоянно присутствовала рядом и внимательно наблюдала за происходящим, помогала затягивать ей пояс, застёгивать ей пуговицы, а также одеть ей носки и туфли. Наконец, она была готова пойти выразить почтение пожилой госпоже Шэн.

Минлань воспринимала каждый момент со своего пробуждения, как движения сквозь облака и текущую воду, естественное и полностью уместное, без единого проявления грубости. Движения Сяотао обычно были скованными и деревянными. Она даже не могла аккуратно поднять руку. Пробуждение занимало много времени и, даже когда Минлань стояла перед диванчиком пожилой госпожи Шэн, дабы выразить ей своё утреннее почтение, она ощущала теплоту и мягкость. И это было вызвано не только её одеждами.

«Просыпаться зимним утром не так уж и плохо», — подумалось ей. — «О Боги!»

Минлань так долго пробыла в этом мире, но это был первый раз, когда она наслаждалась этим роскошным обслуживанием, когда ей даже не приходилось шевелить пальцем и всё делали за

неё. Это портило и развращало её. В глубине души Минлань начинала волноваться о том, насколько регрессивным был её стиль жизни в последнее время.

После того, как она выражала почтение пожилой госпоже, та усаживала Минлань на свой диванчик, позволяя ей отдыхать в тепле, ожидая, пока остальные придут выразить почтение. Вскоре после этого приходила Ван Ши с детьми, за исключением Молань и Чанфена, которые сказывались больными. Ван Ши притворялась, что волнуется об их благосостоянии и Минлань, поглядывая на пожилую госпожу, понимала, что ей это, по сути, было безразлично.

— Они оба заболели в одно и то же время... Может быть, это простуда? Зараза легко распространяется и я уже приказала слуге послать за лекарем. Я только надеюсь лишь, что Будда благословит этих детей и с ними не случится ничего серьёзного, — с волнением в голосе говорила Ван Ши.

Минлань мысленно показывала ей палец вверх, одобряя её поведение. Судя по всему, за последний год актёрское мастерство Ван Ши значительно улучшилось. Эти эмоции, эта экспрессия! Если бы на это посмотрел кто-то со стороны, он бы определённо решил, что Чанфен и Молань — её родные дети.

Однажды пожилая госпожа Шэн внезапно сказала:

— Тебе следует предложить господину навестить их лично. Послушай, когда двое детей растут вместе, они непременно подхватят болезнь оба, если заболеет один из них. Чанфен уже достаточно вырос. Почему бы не разделить их?

Ван Ши была шокирована, но счастлива. Шокирована тем, что пожилую госпожу Шэн до этого момента не волновала эта проблема, и удивлена тем, почему внезапно её это заинтересовало. И, конечно, она была счастлива, потому что пожилая госпожа собиралась проучить наложницу Линь. В любом случае, это было намного лучше, чем если бы она сама начала действовать.

— Вы правы, пожилая госпожа, — быстро добавила она. — Фен и Мо — любимые дети господина. Теперь, когда они оба больны, господин непременно посетит их!

Пожилая госпожа Шэн безразлично взглянула на неё и наклонила голову, чтобы отпить чаю. Ван Ши улыбнулась и, повернувшись в сторону Минлань, заметила, что та застенчиво стояла рядом, одетая в новый, с иголки, подбитый перьями, жакет персикового цвета. Она справилась о её здоровье, и они немного поговорили о переезде. Затем Хуалань шутила с Минлань, они вместе весело смеялись, после чего они уходили.

Когда все уходили, служанка Фан приводила других служанок и те приносили им еду в восьмиугольных коробках. Она лично помогала пожилой госпоже встать с дивана, тогда как служанка Цуй отводила Минлань к первому месту слева. К тому времени служанки как раз заканчивали сервировать завтрак на декоративном шестиугольном столике, задрапированном чёрной тканью. После того как пожилая госпожа усаживалась, служанка Цуй сажала Минлань на круглую табуретку. Когда Минлань в первый раз увидела этот «лёгкий завтрак», она не

поверила своим глазам.

Боже! Это как будто стрелять из пушки по воробьям!

На столе находился настоящий пир, роскошный настолько, что от одного его вида текли слюни. Там были тёмно-красные пирожные с ююбой, фиолетовые пирожные с бататом, горячие, посыпанные сахаром пшеничные трубочки... Всё это источало просто божественные ароматы. Хрустящие, золотистые фрукты, корзинка с сяолунбао на пару и вонтоны с кинзой. Прямо перед ней стояла сладкая и благоухающая каша из ююбы и более десяти тарелок различных маринованных овощей.

Минлань взялась за свои палочки, пребывая в состоянии лёгкого ошеломления. В её представлении завтрак в Шоу'ань был намного, намного скромнее, поэтому увиденное сильно впечатлило её. Сглотнув, она подняла глаза на пожилую госпожу и тихо сказала:

— Ах... как много...

Пожилая госпожа даже не подняла глаза в её сторону и принялась вкушать кашу. Старшая служанка Фан ярко улыбнулась и добавила:

— Да, пожилой госпоже внезапно захотелось попробовать несколько новых блюд.

Старшая служанка Фан несколько лет уговаривала пожилую госпожу, но та была непреклонна. Однако, благодаря шестой юной госпоже, пожилая госпожа, наконец, согласилась прекратить жить своей простой и бедной жизнью.

Минлань была глубоко тронута. Она посмотрела на пожилую госпожу, приоткрыв рот. Она опустила голову.

— Спасибо вам, бабушка! — вновь подняв голову, тихо произнесла Минлань. — Я постараюсь съесть больше ради вас.

Когда пожилая госпожа услышала первую половину, она лишь мысленно улыбнулась. Но, услышав вторую половину, она, не сдержавшись, нахмурилась.

«Что значит “постараюсь съесть больше ради вас”? Она что, думает, что она — свинья на убой?»

Старшая служанка Фан отвернулась и прикрыла рот, чтобы скрыть свой смех.

После завтрака бабушка с внучкой вернулись на диван. Пожилая госпожа Шэн достала копию «Трёх классических образов», чтобы Минлань почитала несколько строчек — ей нужно было

выяснить, сколько слов она помнит. Минлань выглядела бесконечно виноватой, но она взяла себя в руки и принялась читать:

— Мужчина и нож, родил дерево овца, родил дерево вес, поведение дерево первое...

Пожилая госпожа едва не выплюнула свой чай и продолжительно закашлялась. Минлань испугалась и поспешила похлопать её по спине.

— Пожилая госпожа, я прочитала неправильно? — тихим, извиняющимся голосом спросила она, продолжая похлопывать её по спине.

Пожилая госпожа сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, после чего, посмотрев на свою смущённую внучку, выдавила из себя:

— Ты прочитала... хорошо, у тебя была всего лишь пара ошибок, ничего страшного. Учись, не торопись.

Двенадцать слов, из которых правильными были всего два, это даже не двадцать процентов успеха! Сердце Минлань было исполнено горя. Она, закончившая университет с отличием, должна была прикидываться безграмотной. Это было очень непросто!

Но не только сердце Минлань было исполнено горем в тот день. Когда Шэн Хун вечером вернулся с работы, Ван Ши немедленно передала ему слова пожилой госпожи со своими небольшими поправками. Даже не переодевшись, Шэн Хун с мрачным лицом отправился к наложнице Линь. После того как за ним захлопнулась дверь, никто не мог с уверенностью сказать, что происходило внутри. Оттуда доносились лишь звуки всхлипов, злые крики и звуки бьющегося фарфора.

Спустя час Шэн Хун вышел оттуда с бледным лицом. Когда служанки вошли внутрь, они увидели, что в комнате царил сущий хаос. Наложница Линь лежала на диване и рыдала, находясь на грани обморока.

Когда Ван Ши услышала эти новости, её дух взлетел до небывалых высот. Она налила себе три чашки крепкого чая, после чего зажгла благовония во славу Будды и Небесного Императора, что-то бормоча себе под нос. Несмотря на то, что она знала, что Шэн Хун ночует сегодня в своём кабинете, это не уменьшало её хорошего настроения. В конце концов, враг моего врага — мой друг. Ван Ши решила, что в будущем нужно удвоить количество её почтительности к пожилой госпоже.

Примечания:.

1) Пять дисциплин — это китайские традиции, включающие в себя: этикет, манеры, гигиену, дисциплинированность и мораль. Четыре добродетели: разум, речь, поведение,

окружение.

2) «Ритм просветления» – сборник поэм и куплетов, написанный так, чтобы детям было легко учиться по нему читать.

3) Всем, кому интересно, как выглядит медный нагреватель:
<https://pp.userapi.com/c845421/v845421562/e297b/DPhk4BJEDcI.jpg>

4) Минлань специально читала неправильно, вот почему это не имеет смысла. То, что прочитала Минлань – иероглифы, похожие по виду. Вот как это должно выглядеть: «От рождения человек безгрешен и затем его натура не меняется, однако меняется поведение».

<http://tl.rulate.ru/book/5280/360034>